

Анна Матвеева

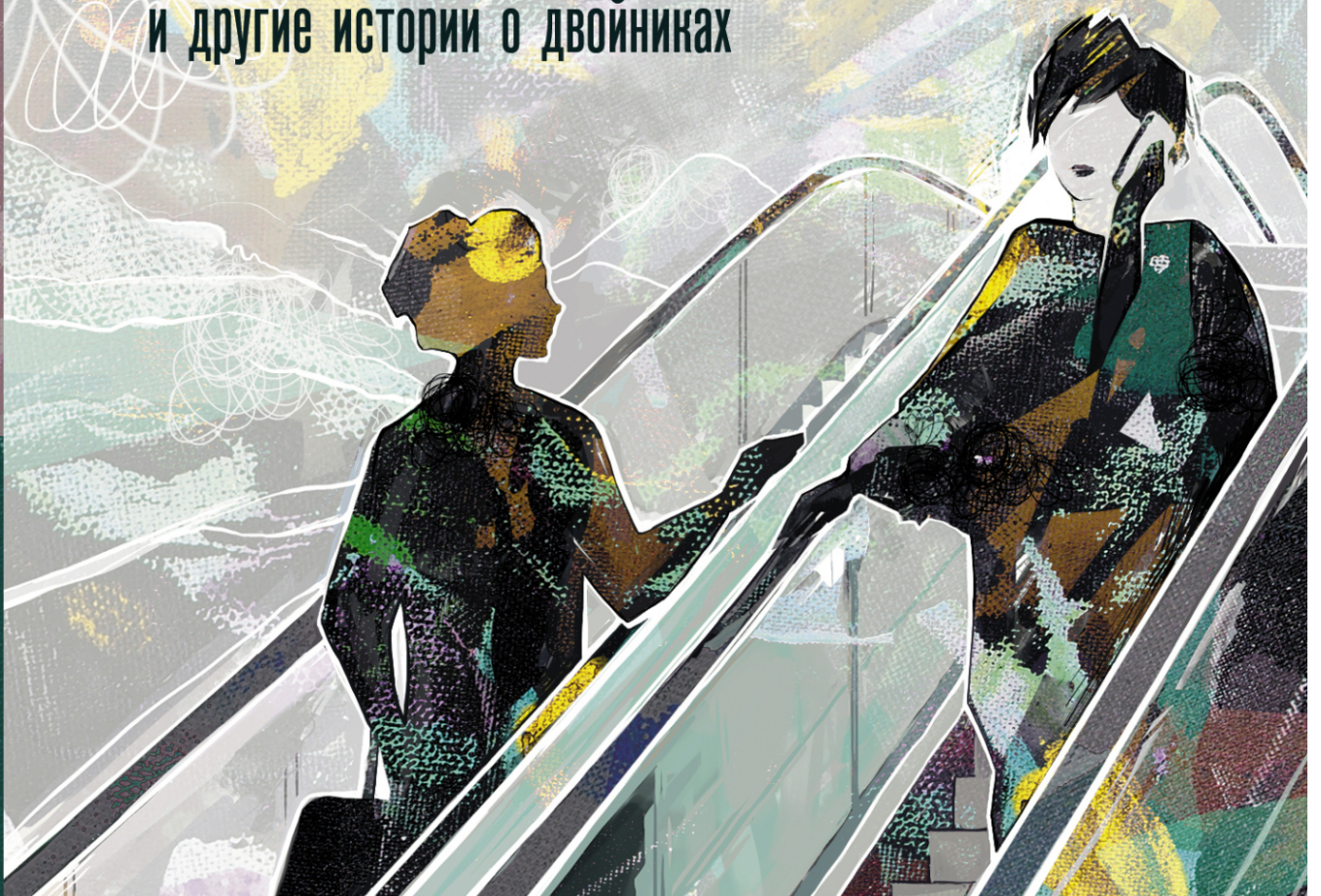
18+

КАТЯ ЕДЕТ В СОЧИ

«Свой двойник есть
у каждого, но иногда
его сразу не узнать...»

АННА МАТВЕЕВА

и другие истории о двойниках

Проза Анны Матвеевой

Анна Матвеева

**Катя едет в Сочи. И другие
истории о двойниках**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Матвеева А. А.

Катя едет в Сочи. И другие истории о двойниках /
А. А. Матвеева — «Издательство АСТ», 2021 — (Проза Анны
Матвеевой)

ISBN 978-5-17-136403-8

Новый сборник прозы Анны Матвеевой «Катя едет в Сочи» состоит из девяти очень разных историй, объединённых рифмой судьбы. Невольными и не всегда очевидными двойниками друг другу становятся здесь художник и галерист, сын и мать, незнакомые женщины и знакомые только по переписке девочки... Это книга о том, что даже антиподы могут услышать и понять друг друга просто оттого, что способны испытывать те же чувства и слышать в громогласном потоке жизни родной голос. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136403-8

© Матвеева А. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Внук генерала Игнатъева	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Матвеева

Катя едет в Сочи. И другие истории о двойниках

Внук генерала Игнатьева

1.

Никто не предупредил, что на прощании будет закрытый гроб.

Все последние дни Юля Вогулкина пыталась представить Ясного в виде покойника – и справедливо винила себя в любопытстве. Хотелось знать: будет ли он в мёртвом виде таким же ухоженным, как при жизни?

Ясной носил крохотную бородку пиковой масти, очки без оправы и шеголял свежим маникюром: глядя на него, Юля прятала обкусанные ногти в растянутых рукавах свитера. Пришлось высвободить ладонь из рукава, чтобы взять у Ясного визитную карточку: глянцевою, по моде конца девяностых. Может, он не заметил цыпки-заусенцы?

Выпуклый чёрный курсив «Ясной Олег Аркадьевич. Директор Частного института истории России советского периода».

Сколько лет ему было, сказать трудно. Юле, совсем ещё юной в ту пору, все мужчины старше тридцати казались ровесниками друг другу. От сорока до шестидесяти – где-то так, наверное. Можно было бы спросить напрямую, но вдруг ещё подумает чего-нибудь. Вообразит себе. Вогулкиной не нравились такие нафабранные аккуратисты. То ли дело Паша Зязев! Вечно нестриженный, в мятых (но при этом всегда чистых!) футболках, в пожелтевших кедах, очаровательный Зязев не раздражал даже привычкой мыть руки, забрызгивая водой всё зеркало. Юля прощала ему всё, включая жуткую манеру скрести голову тупым концом карандаша.

Ясной не позволял себе ни одного сомнительного жеста. Носил костюмы, сверкал пряжкой ремня, благоухал сладковатым, с удушливой ноткой парфюмом. Похожий запах – у похоронных лилий в корзине, что стоит в ногах покойника, поняла вдруг Юля. А потом, слева от корзины, увидала ноги в отглаженных брюках и блестящих штиблетах с заострёнными носами. Точно такие носил Ясной!

Вогулкина подняла взгляд, увидела сверкающую пряжку ремня, пиджак, ослабленный узел галстука – и лицо покойника, правда без пиковой бородки и очков. Смотрел он Юле прямо в глаза. Насмешливо и с интересом.

Другая на её месте, может, вскрикнула бы, но Вогулкина сдержалась, лишь стиснула крепче свой довольно жалкий букет гвоздик.

Сдержалась она не потому, что была так уж сильна духом – ничего подобного. Всего лишь особенное устройство психики, когда любая эмоция – страх, удивление, радость – докатывается спустя несколько минут. Это плохо в случаях, когда требуется быстрая реакция, но бесценно, если нужно скрыть истинные чувства от окружающих. Ватные ноги, дрожь в руках, банный пот: всё будет строго по расписанию, но пока можно спокойно отвести взгляд от Ясного – живее всех живых! – и сделать вид, что сосредоточенно слушаешь служительницу крематория, отрабатывающую неизменный ритуал.

Ужас докатился до Вогулкиной ровно в тот момент, когда служительница сказала:

– Предлагаю проститься с Олегом Аркадьевичем и вспомнить о нём только самое лучшее. Пожалуйста! – она гостеприимным жестом хозяйки указала на гроб и сделала шаг назад, склонив голову в скорбном поклоне.

Живой покойник уверенным шагом шёл к микрофону – и все, кто помнил Олега Аркадьевича, вздрагивали с разной степенью интенсивности. Шёл он точно как Ясной, выбрасывая острые носки туфель в стороны, приосаниваясь, пощёлкивая пальцами.

– Поскольку наших родителей здесь нет, – сказал покойник, ещё раз безнадежно окинув взглядом скромную группу провожающих (в основном там были женщины, старухи и несколько мужчин невротического вида), – то первое слово скажу я. Олег был моим братом, и, как вы можете заметить, близнецом.

Имени своего выступающий называть не стал. А голос имел точно как у Ясного, и ни на йоту не отличались интонации. Впрочем, это, возможно, норма – Вогулкина знала немногих близнецов и не понимала, как у них всё устроено.

Тихонько подошёл опоздавший Паша, взял Юлю за руку, и она радостно вспыхнула. Близнец, на секунду приостановив свою речь, посмотрел на них укоризненным взглядом Олега Ясного и продолжил говорить о том, каким выдающимся человеком был его брат. Неопенимый вклад. Усердная работа. Упрямство учёного. Редкая наблюдательность. Потрясающее бескорыстие.

Юля подумала, что Ясному бы понравилась эта речь и что он, вполне вероятно, сам её и составил на случай внезапной смерти.

Других желающих словесно проститься с Олегом Аркадьевичем не отыскалось. Разочарованный близнец кивнул служительнице, и та объявила, что теперь близкие покойного могут обойти вокруг гроба, положить на крышку цветы и сказать Олегу Аркадьевичу последнее прощание.

Стебли гвоздик прилипали к ладони Вогулкиной, и она с облегчением стряхнула их на гроб – тоже, кстати, элегантный, напомнивший Юле один из казённых буфетов Дома Чекистов, которых она нагляделась на фотографиях. Цветов было немного, венков – всего один, увитый лентой с надписью «От безутешного...». Близнец похлопал по крышке гроба, как грузчик, завершивший работу, – и Олег Аркадьевич Ясной, или кто там лежал на самом деле, поехал в печь. А Юля с Пашей вышли на свет божий, где несколько старух обсуждали вполголоса: кто теперь будет им возвращать деньги?

– Дождёмся этого брата и спросим, – предложила самая бойкая, но при этом со следами непоправимой интеллигентности на лице.

Но брат-двойник пропал – и даже не сообщил о том, будут ли поминки! Возможно, имелся ещё какой-то выход из крематория, помимо двери и трубы?..

Юля смотрела на чёрный дым, улетающий в голубенькое майское небо, и думала, что в любом случае земной жизни Олега Ясного – многожёнца, историка, внука генерала Игнатьева, родственника Сталина и Лили Брик – пришёл конец.

Ну или не пришёл.

И почему, кстати, его брат-двойник выглядел ровесником прежнему Ясному, а не тому, каким он стал бы сейчас?.. Прошло почти пятнадцать лет, некоторые люди, конечно, медленно стареют, но не до такой же степени!

Может, он не брат и не двойник, а сын Ясного? Правнук генерала Игнатьева?..

Всю обратную дорогу Юля и Паша молчали, а когда он сказал, что не сможет сегодня зайти, Вогулкина почему-то не расстроилась. Она спокойно относилась к Пашиной жене Алёне, которую знала лишь заочно, но признавала, как неотъемлемую часть Зязева – его руку или, например, ухо. Признавала, но всё равно, конечно, огорчалась, если из-за этого уха нарушались любовно выстроенные планы. И сама себя одёргивала: так нельзя, тебе никто ничего не обещал, надо быть выше этого (хотя куда уж выше-то!). Обидно было, что с Алёной Паша

познакомился примерно тогда же, когда они с Юлей начали работать над исследованием о Доме Чекистов, – то есть у него был шанс выбрать себе в жёны Вогулкину, но выбрал он почему-то Алёну. И живёт с ней теперь, как сам с удручающим постоянством говорит, душа в душу.

Но вот сейчас она не расстроилась, и Паша почувствовал это.

– Ты какая-то странная сегодня!

– Да я вообще странная, – отмахнулась Юля. – Беги уже, созвонимся.

Он не побежал, а пошёл довольно медленно и неохотно. Юля же домой почти летела и даже напугала своей скоростью какую-то собачку. Не терпелось найти в залежах письменного стола папку с копиями документов, так и не переродившихся из «собранных материалов» в научный труд. В той же папке, если она правильно помнит, должны лежать визитка Ясного и их совместная фотография, сделанная Пашей на фоне Дома Чекистов.

В письменном столе Вогулкиной давным-давно царили тлен и запустение. Братская могила великих начинаний. А ведь Юля ещё лет десять назад не поверила бы, что из всех специальностей, которыми она овладевала на ходу, играючи, постоянной станет самая непритязательная – гид-краевед. Ни писатель, ни историк, ни культуролог из Юли так и не получились.

Но при этом она жива, а вот Ясного сожгли сегодня утром в крематории.

Или не сожгли?

Она снова вспомнила двойника, его любопытный взгляд и поёжилась. Выбрасывала из ящиков одну стопку листов за другой, начала, разумеется, кашлять от пыли. А нужная папка лежала, конечно же, на самом дне позорного погоста.

Первым делом Юля вытащила из неё фотоснимок.

Да. Человек, представившийся братом Олега Ясного, был либо его подлинным близнецом, либо двойником, либо им самим!

2.

Двойник, как считала Вогулкина, есть за редким исключением у каждого. На портрете, написанном двести лет назад, в телевизоре, в соседнем дворе, в документе – тут уж кому как повезёт. Ну, или не повезёт.

Двойники интересовали Юлю с невинного детства. Можно даже восстановить в памяти, с какого точно дня они её начали интересовать.

1 сентября 1982 года Юля пошла в четвёртый класс новой школы – не той, что во дворе, а другой, через две дороги и сквер. Бабушка дала ей букет глупых георгинов, хотя Юля предпочла бы гладиолусы (родственное слово с «гладиатором» – Юле тогда нравились мальчишеские книжки).

На линейке всё было как обычно, а когда пошли в класс и началась переключка, вместе с Юлей вскочила со своего места другая новенькая – кудрявая девочка-мартышка.

– Вогулкина Юля!

– Здесь! – крикнули они хором, и все, конечно, засмеялись.

Учительница сказала, что вторую Вогулкину приняли в тот же четвёртый класс «Б» по ошибке и «во избежание путаницы» её переведут в ближайшее время в параллельный. Но ближайшее время, как часто бывает, растянулось на несколько месяцев, мучительных для обеих Юль.

– Она ведь нам даже не родственница, – возмущалась Юлина бабушка, как будто родственницу было легче пережить. Мартышка оказалась пакостной девочкой, и бремя дурной славы преследовало Юлю даже после того, как тёзку перевели наконец даже не в параллельный класс, а в другую школу.

Родители отнеслись к появлению двойника дочери до обидного легкомысленно. Маме это даже показалось забавным!

– Ладно бы мы были какие-нибудь Кузнецовы, Ивановы, – смеялась мама, – но Вогулкины всё-таки не самая распространённая фамилия.

А папа снял с носа очки и сказал:

– Вполне типичная для Урала. Вогулы – старое название манси. Не хочешь, Юляша, пригласить домой свою тёзку?

Юля, слушая родителей, мечтала стать сразу Ивановой и Кузнецовой, лишь бы не наткнуться на кудрявую нахалку, присвоившую себе не только её фамилию, но даже имя. Звать домой – да ни за что в жизни! Первая Вогулкина была довольно одинокой девочкой, трепетно оберегающей свой мир от чужих посягательств. Да, о двойниках она впервые задумалась именно тогда – и безо всякой симпатии, потому что испытала на себе, как посторонний, неприятный человек претендует на часть твоей неповторимой личности.

Исчезнув из реальной жизни, вторая Вогулкина долго возвращалась к первой в тревожных снах и мерещилась на троллейбусных остановках.

Примерно в то же время папа достал где-то по случаю «Сказки» Гофмана, и Юля прочитала за один вечер «Песочного человека», а потом стащила с полки взрослого стеллажа «Эликсиры сатаны». Читать было страшно, не читать – невозможно!

Как выяснилось позднее, мировая литература была нашпигована двойниками – от безобидных «Принца и нищего» и «Виконта де Бражелона» до жуткого «Доктора Джекила и мистера Хайда» и так далее, с первой по шестую полку стеллажа. Весь цвет изящной словесности – от Шекспира до Гоголя, от Шамиссо до Эдгара По, от Достоевского до Белого, от Набокова до Газданова и Шварца, от Кортасара до Борхеса – только и делал, что препарировал тему доппельгангеров, и почти всегда появление двойника было для героя дурным знаком. Неважно, касалось сходство внешности, имени или другой рифмы судьбы.

В семнадцать лет, студенткой, Юля влюбилась в немолодого уже музыканта, репетировавшего с группой в цокольном этаже университета. Музыкант о её чувствах, к счастью, не знал, да и вряд ли заинтересовался бы круглолицей девочкой в немодной юбке и очках. Юля караулила его на выходе из университета, смотрела, как он прикуривает сигарету и с одобрением глядит в вечернее небо. Спустя год ей стал постоянно встречаться в троллейбусе почти точный двойник музыканта – он лишь ростом был ниже, и Юля перенесла свои чувства на него, потому что из цокольного этажа группу к тому времени выперли. Потом троллейбусный доппельгангер тоже куда-то сгинул, и Вогулкина сосредоточилась на учёбе. Вдруг захотелось стать сразу всем: культурологом, искусствоведом, социологом, писателем! В моду вошло презираемое ранее краеведение.

Однокурсник Паша Зязев проводил первые экскурсии по Екатеринбургу – бесплатные, по велению сердца. Предлагал любоваться ленточными окнами и округлыми, женственными фасадами конструктивистских домов, рассказывал о судьбах архитекторов, совал экскурсантам под нос фотокопии старых газетных статей. Юля побывала на одной такой экскурсии – и влюбилась в конструктивизм, а следом и в Пашу. В таком порядке. Паша привлекал её многим, и не последним здесь стало то, что у Зязева двойника не было. Ни на старых портретах, ни в троллейбусах, ни среди голливудских артистов не имелось никого хотя бы отдалённо напоминавшего Пашу.

К третьему курсу Зязев написал несколько бойких газетных текстов о выдающихся зданиях города – гостинице «Исеть», Белой башне, Институте охраны материнства и младенчества. Подбирался ко Второму Дому советов, который в народе окрестили Домом Чекистов, – и неожиданно пригласил в соавторы статьи Вогулкину.

– Даже не статья будет, а целое научное исследование! – горячился Паша.

Тогда стоял вроде бы май. Точно, май! Вокруг памятника Свердлову буянила цветущая сирень. Они долго сидели на лавочке, одурманенные ароматом цветов, а Юля – ещё и перспективой работать вместе с Пашей. Да хоть на что согласна, лишь бы вместе!

Но Паша сразу же сказал, что у каждого будет своё направление деятельности – и Юлю он для начала просит сходить в архив репрессированных на площади Труда. В рамках уже продуманной Зяевым методологии исследований.

Вогулкина попыталась скрыть своё разочарование за фальшивым энтузиазмом, но разочарование слишком уж превышало энтузиазм размерами и потому торчало наружу.

Пришлось срочно купить мороженое в ларьке на углу Ленина – Карла Либкнехта, чтобы подправить себе настроение. Мороженое всегда помогало и на сей раз тоже справилось. Юля даже улыбнулась, когда шла мимо Главпочтамта, – Зяев на экскурсии рассказывал, что этот памятник конструктивизма должен вызывать у горожан ассоциации с гигантским трактором. Но у Юли он вызывал ассоциации только с самим Пашей. Ей приятно было видеть Главпочтамт. В этом преимущество зданий – они довольно часто остаются на своих местах, в отличие от людей.

Вогулкина интересовалась архитектурой на свой лад. Её занимало больше всего то, как меняются разные дома в зависимости от того, кто в них живёт и работает.

– Так это же прямо в точку! – вскричал Зяев, когда Юля рассказала ему о своём взгляде на памятники архитектуры городского и федерального значения. – Надо обязательно собрать материалы о тех, кто жил в Доме Чекистов, – помимо Ельцина, хотя Ельцин нам тоже понадобится. Там же, насколько я знаю, чуть не каждого второго расстреляли в тридцать седьмом!

Вот почему решили начать с архива репрессированных. Зяев назвал Юле фамилию сотрудника, который заведовал выдачей дел, – и этот сотрудник, Волков, встретил её весьма приветливо.

– Какую погоду нам сегодня выдали, правда? – сказал он Вогулкиной сразу после «здравствуйте». Юля подтвердила, что правда, хотя и не поняла: с чего бы так радоваться майской погоде, если сидишь целый день в архиве?..

Волков, кстати, оказался чрезвычайно похож лицом на одного её институтского преподавателя по фамилии Зайцев. В историях про двойников не только ужасы, бывает и смешное.

– А вы, между прочим, не первые, кто интересуется этими материалами, – сообщил тем временем Волков. – Всё то же самое буквально два месяца назад запрашивал Олег Ясной, руководитель Частного института истории России советского периода. Знаете такого?

Юля такого не знала. Её расстроило, что они с Пашей, как выяснилось, вовсе не первые затеяли это исследование, причём у неведомого Ясного было преимущество в целых два месяца. И что это за частный институт такой? Она впервые о нём слышит...

– А есть ли у вас какие-то контакты этого самого Олега Аркадьевича? – спросила она у Волкова, торопливо добавив: – Я бы хотела взять у него интервью.

Интервью – самый надёжный способ познакомиться с человеком, к которому ни на какой козе не подъехать. Этой премудрости Юлю обучила знакомая журналистка, удачно выскочившая после одной такой беседы замуж. Никто не отказывается от интервью: даже успешных и знаменитых икрой не корми, дай возможность поговорить о своей драгоценной персоне под диктофон.

Волкову, впрочем, было безразлично, зачем Юле понадобился номер Ясного, – он терпеливо продиктовал его аж два раза подряд, чтобы Вогулкина проверила цифры. А потом вынес в читальный зал две здоровенных папки с подшитыми делами репрессированных. И зевнул, что работают они сегодня до пяти.

Документы в папках были такими жуткими, что Юля на время выкинула из головы их с Пашей интеллектуального двойника Олега Аркадьевича с его загадочным институтом. От всех этих постановлений об арестах, заявлений, телеграмм веяло таким густым ужасом, что он не развеялся даже спустя столько лет.

В Доме Чекистов, первом свердловском «небоскрёбе», построенном в конце 1920-х, проживали самые выдающиеся на тот момент жители города. Генералы, писатели, политиче-

ские деятели крупного калибра, старые большевики (впрочем, у старых большевиков, среди которых значился Ермаков, убийца Романовых, имелся «собственный» дом на другой стороне улицы – с роскошным видом на пруд и с широченными балконами, которые отдельно взятые бабушки превращали по зиме в каток для внуков). Жилой комбинат НКВД – так он назывался в проекте – выходил и на улицу 8 Марта (носившую до революции имя Уктусская, а после, недолго и символично, Троцкого), и на улицу Антона Валека, и на улицу Володарского, связанную в памяти поколения Юли и Паши с незабвенным свердловским рок-клубом. Над проектом здания работал финляндский поданный, талантливый архитектор и убеждённый идеалист Иван Павлович Антонов и его коллега Вениамин Дмитриевич Соколов. П-образное четырёхэтажное здание и примыкающий к нему одиннадцатизэтажный комплекс (тот самый «небоскрёб») в плане представляли собой серп – один из символов новой власти. И на стройке этого «серпа» трудились раскулаченные крестьяне из Краснодарского края: случайная, но убедительная метафора.

Даже в Москве в те годы было не лишку таких величественных жилых зданий, где работали и своя столовая, и парикмахерская, и детский сад, и кинозал; где был даже фонтан во дворе! Попасть во двор Второго Дома советов (так стал называться со временем жилкомбинат НКВД) без пропуска было невозможно – за всем присматривала вооружённая охрана, сторожившая покой жильцов и казённое имущество: в любой квартире здесь был полный набор мебели и разных прекрасных излишеств типа радиоприёмника. Каждый из восьми подъездов запирали дубовая дверь, обитая медными планками, а колонны некоторых парадных были сделаны из лабрадорита. В высотном здании работал лифт, возносивший жильцов к заоблачным далям при помощи специального сотрудника, в квартирах сверкали белизной свеженькие ванные комнаты, лестничные марши были отделаны мрамором и даже лаконичные урны для мусора во дворе отливали по эскизу всё того же архитектора Антонова. Простым людям дозволялось разве что поглазеть на чудеса из-за кованой решётки, и то если не прогонит легендарный местный дворник Бармалей.

В режимных подъездах Дома Чекистов проживал сплошь партийно-советский «верхний этаж» с семьями и прислугой: первый секретарь Уралобкома Иван Кабаков, парторг Уралмаша Авербах и так далее вплоть до Ельцина. Высотный восьмой подъезд был, пожалуй, самым эффектным из всех благодаря головокружительной многоэтажности здания и гранитной рустовке входной группы, превратившей обычный вход в сказочный пещерный проём. Для фасада «небоскрёба», украшенного на уровне 10–11-го этажей балконами-крыльями (теперь их нет), изначально были выбраны цвета чекистской формы – тёмно-серый и белый. Причём белым для пушей графичности решено было выкрасить те самые крылатые балконы, парапет крыши и шахту – так над Свердловском вознёсся сверкающий белый крест! Архитектурно безупречное и политически провальное решение – ведь в те годы в Свердловске, как и по всей стране, боролись с религиозным дурманом. Например, Богоявленский кафедральный собор на Площади 1905 года простоял на своём месте до 1930 года – то есть его снесли уже после того, как в городе появился Дом Чекистов с его дерзким крестом, возмущившим передовую общественность.

Юля Вогулкина прекрасно помнила старый снимок Богоявленского собора: его демонстрировал на одной из экскурсий Паша Зязев. По оплошности держал фото вверх ногами. Вогулкину тогда захлестнули сразу и сочувствие к Паше, и жгучая жалость к этому прекрасному храму: соразмерному городу и совершенно беззащитному.

А белый крест над Свердловском сочли злостной провокацией – на допросы в НКВД вызывали и архитекторов, и маляров, и коменданта новенького Дома. Опасный фасад перекрасили, Антонов тогда буквально чудом избежал ареста, но спустя несколько лет, на волне борьбы со шпионажем, на него был сделан новый подлый донос.

Архитектора успели предупредить, он в спешке покинул город и вернулся в Финляндию. До последних лет своей жизни Антонов считал, что лучшие проекты он выполнил в Свердловске, и мечтал увидеть хотя бы ещё раз свой ненаглядный Дом...

А у тех, кто завидовал «небоскрёбожителям», переминаясь с ноги на ногу по ту сторону кованой ограды, вскоре появился повод для злорадства – или сочувствия. У режимных подъездов Дома Чекистов всё чаще останавливались чёрные «воронки», хозяев забирали одного за другим: расстреливали, ссылали... Осиротевшие семьи выселяли из квартир и перевозили в лучшем случае в убогие бараки на улице Челюскинцев.

Юля делала копии документов, вовсе не выглядевших ветхими: приговоры о расстрелах, постановления о наложении ареста на имущество, слёзные письма вдов, оставшихся без жилья, работы и денег, статьи из «Уральского рабочего» про врагов народа и политических слепцов. У неё заболела голова; пожалуй, хватит на сегодня. Вот и Волков давно уже ёрзает за своим столиком в нетерпении...

Вогулкина вышла из архива с последним ударом часов на площади – как граф Монте-Кристо. Хотелось вымыть руки, а лучше бы – сразу в душ, с головой. И потом позвонить Паше, может, он позовет её вечером погулять – есть ведь о чём рассказать!

Но вместо того чтобы перейти по светофору на ту сторону проспекта и сесть в трамвай до родного ЖБИ, Юля пошла в другом направлении – будто её тянули за ниточку – и спустилась к пруду. Слева, под бюстом Мамина-Сибиряка, горбились шахматисты и продавцы старых книг. Справа гремели самокатами ребятишки. Вогулкиной казалось, что от неё несёт горькой книжной пылью, она даже понюхала незаметно рукав своей рубашки.

Город наслаждался маем, сияла нежная листва, под ногами хрустели липкие почки. А Юлина ниточка натягивалась всё сильнее.

На Набережной Рабочей Молодёжи целовалась немолодая и некрасивая пара, рядом, как положено в рассказе о двойниках, миловались голуби – один был далматиновый, с поржавевшим горлом. Коротеньким переулком Химиков Юля вышла наконец к высокому серому дому – и уткнулась носом в ограду. На воротах был кодовый замок.

Как назло, никто не выходил из Дома Чекистов и не возвращался; на скамейке в безлюдном дворе сидела мамаша с младенцем на руках, но Вогулкина постеснялась её окликать. С чего бы жильцам пускать в закрытый двор посторонних!

Открылись ворота лишь через полчаса: пропустили на законных основаниях крепко заляпанный грязью «опелёк» и на незаконных – Юлю. Она тут же с деловитым видом направилась к ближайшему подъезду, хотя можно было и не разыгрывать сцену. Вторжение Вогулкиной никого не заинтересовало, мамаша даже головы в её сторону не повернула, а других людей во дворе не наблюдалось. Юля обошла двор по периметру. Рассмотрела неработающий фонтан. Поглазела на окна, гадая, за каким из них покончил с собой в 1937 году обкомовец Константин Пшеницын, ожидавший ареста. И с какой стороны проник во двор неизвестный самоубийца, бросившийся с крыши в 1960-х. Вот так и меняют архитектуру человеческие судьбы! – воскликнул бы, наверное, Паша Зязев. Не меньше чем деревья, бывшие когда-то слабыми крохотками и вымахавшие чуть не до крыш! Как вот эта черёмуха – высоченная, сплошь покрытая белым цветом, она напоминала невесту-перестарка, но благоухала как молодая.

Хлопнула дверь подъезда, в который будто бы шла Юля, и молодая мать обернулась с недовольным лицом, ведь младенец только-только заснул. Мужчина среднего роста, но ладный, с прямой военной спиной, поравнялся с Вогулкиной и вскинул левую руку, продемонстрировав блестящие часы на запястье. Костюм, галстук, остроносые туфли.

– Здравствуйте. – Он кивнул ей по-доброму, как соседке. Юля тоже кивнула, и мужчина, заметно раскидывая при ходьбе носки в стороны, свернул в соседний двор.

Там, в соседнем дворе, как вскоре выяснилось, не было ничего интересного. А вот мужчину этого Юля почему-то сразу же запомнила – вместе с черёмухой, фонтаном и матерью с

младенцем на скамейке. Запомнила и не удивилась, когда его внешний облик соединился с именем на визитной карточке. Тонкие губы, борода-пик, внимательные голубые глаза...

– Конечно, я дам вам интервью, расскажу и об институте, и о Доме Чекистов! – сказал Олег Аркадьевич по телефону. – Давайте встретимся в пироговой «Штолле», на Горького, семь А: знаете, где это?

Вогулкина не знала. Не было у неё финансовых возможностей ходить по пироговым.

Ясной обещал ждать её внутри за столиком. Она узнает его по бородке и светло-серому костюму.

Паша составить ей компанию отказался, поэтому в «Штолле» Вогулкина явилась одна и в дурном настроении.

– Мы с вами раньше не встречались, Юлия Ивановна? – спросил Олег Аркадьевич, встав из-за стола для приветствия. – Я совершенно уверен, что видел вас раньше, но не помню где. А у меня очень хорошая память на лица.

Юля хотела сказать, что да, встречались, буквально третьего дня во дворе Дома Чекистов, но почему-то не решилась и неопределённо пожалала плечами.

Ясной заказал два больших куска брусничного пирога и какой-то странный кофе с прикусом. «Кофе с глупостями» – так называл подобные напитки Юлин папа.

Платить, как она надеялась, будет Олег Аркадьевич, но пирог на всякий случай решила не трогать, хотя выглядел он весьма аппетитно.

– Не любите сладкое? Там ещё с рыбой есть, – забеспокоился Ясной.

– Да я просто не голодная, – соврала Юля, хотя у неё довольно громко урчало в животе.

– Ну как угодно. А вы без диктофона?

– У меня память хорошая. – Очередное враньё, как же она забыла про диктофон! – Буду в блокноте фиксировать основные моменты.

– Ну хорошо, только потом покажите, что у вас получится.

О своём частном институте Ясной рассказывал скупно, без охоты. Выдавал какие-то общие, банальные сведения. Кто там ещё кроме него числится, не сообщил. Юле не попадались прежде такие собеседники. Ни на один её вопрос Олег Аркадьевич не ответил прямо, постоянно соскальзывал то в прошлое, то в будущее.

Она всё-таки попробовала пирог – ужасно вкусный! – и сама не поняла, как он вдруг исчез с тарелки. Олег Аркадьевич сделал вид, что не заметил, с каким аппетитом «журналистка» подбирает корочкой загустевшую брусничную начинку.

Ясной рассказывал о своих корнях, семье, родственниках, и Вогулкину не оставляло странное чувство, что он привирает. Если не врёт вообще обо всём.

Начал с того, что состоит в родстве с разными благородными семействами.

– Я внук генерала Игнатьева и Сталина по линии Сванидзе. Так уж совпало. Ещё Лиля Брик – тоже наша. Мой прапрадед разрабатывал проект первого российского парохода. Бабушку рисовал Илья Ефимович Репин, портрет находится в моей собственности, но не здесь, в Москве. У меня несколько квартир в Москве и здесь тоже есть. В Доме Чекистов.

Юля наострила уши, перестав рисовать в блокноте домик с заборчиком (рисунок был почти готов).

– Вот прямо сейчас пишу книгу об этом доме. Там невероятные истории! Знаете, я давно хотел сосредоточиться на увлекательной исторической журналистике. Раньше был чиновником, сделал успешную карьеру, но надоело. Всё надоело! Уволился в один день и решил: буду жить на ренту. О, это ко мне!

Отодвинув стул, Ясной замахал рукой молодому человеку, озиравшему зал.

– Курьер, – сказал он Вогулкиной, никогда не выдавшей такого явления вживую. Молодой человек вручил Ясному небольшой пакет и, приняв чаевые, удалился. Олег Аркадьевич достал

из пакета коробку и нетерпеливо распечатал её. Там были настольные часы – не слишком с виду ценные, хотя кто их знает.

– Это из моего дома в Москве, – сказал Ясной.

Не очень понятно было: зачем часы понадобились именно теперь и почему нужно было вызывать курьера в «Штолле»?

Чем дольше они сидели в пироговой, тем более странным казался Юле её собеседник. Очевидно, что никакого интервью из этого монолога не вышло бы даже в том случае, если бы она вправду собралась его делать. Но Олег Аркадьевич так, по всей видимости, не считал – он продолжал свой рассказ.

– Я ещё в родстве с Марком Шагалом, но уже в отдалённом. Есть пара его работ, тоже в Москве, а то показал бы. Малоизвестные картинки. Это моя страховка на случай внезапной бедности. Сразу купят – и «Сотбис» уже засылали ко мне, и «Кристис». Я предпочитаю «Кристис». Хотите ещё пирога?

У Юли к тому времени случилось полное засорение мозгов: Лиля Брик, Сталин по линии Сванидзе, генерал Игнатъев (кто он такой, кстати? Спросить неудобно) плясали в её бедной голове. А теперь ещё и Шагал!

– Может, прогуляемся? Что-то вы бледненькая стали. Пойдёмте в сторону моего дома – да вы не бойтесь, не смотрите так на меня! Я вам расскажу что-нибудь интересное. Для интервью.

Вогулкина, конечно, согласилась – её уже подташнивало от запаха пирогов.

Вышли на улицу, в цветущий май. На свежем воздухе Юле стало чуть легче. Оголтелые пляски в голове (Сталин – как вертящийся дервиш, Шагал – вприсядку, Лиля Брик вальсирует с генералом Игнатъевым) прекратились. В конце концов, всякое бывает. Если ты выросла в обычной советской семье (родители – инженер и врач), это не значит, что кто-то другой не может похвастаться более раскидистым и благородным генеалогическим деревом.

– Хотите мороженого? Вам какое? О, я тоже люблю пломбир! Приятного аппетита.

Повторяли Юлин маршрут третьего дня. Слева – шахматисты с букинистами, справа – ребятишки с самокатами. Первая лодка на пруду. Закатное небо, наливавшееся брусничным цветом, как давешний пирог. Яблони припахивали ладаном.

Мороженое ели молча, но, когда поравнялись с девятой гимназией, Ясной сказал:

– Я учился в этой школе. Собственно, все мои родственники по местной линии здесь учились. А некоторые даже работали. Онисим Клер, например. Легендарный швейцарский учёный-ботаник. Тоже наш.

Юля, не выдержав, хрюкнула. Только легендарного ботаника не хватало! Швейцарского, разумеется. Обычный не подойдёт.

Ясной вдруг взял её легонько за рукав. Остановились.

– Смотрю я на вас, Юлия Ивановна, и понимаю, что вы мне не верите. Я и сам, честно сказать, не поверил, когда открыл все эти факты о своей семье. Но это чистая правда! Я потом покажу вам документы. И генеалогическое древо со всеми подробностями.

– И картины Шагала покажете?

– И картины покажу, – не моргнув глазом сказал Ясной. – В Москве часто бываете?

Ворота, в которые Юля не могла проникнуть в прошлый раз, и сегодня были на замке, и Олег Аркадьевич смутился:

– Вот напасть! Я, кажется, забыл ключи от дома в институте. У меня привычка запирать их в сейфе. Тьфу ты!

– Как же вы домой попадёте?

– Ну как? Поеду за ключами в институт. Придётся такси брать, машина моя в ремонте. Я на днях попал в небольшую аварию на Мельковской.

Он говорил уверенно, быстро, не задумываясь даже на секунду, и смотрел при этом Юле в глаза.

К воротам изнутри подошёл мальчик с велосипедом. Нажал на кнопку, двери поехали в стороны.

– Придержи для нас! – крикнул ему Ясной. – Спасибо, Тимоша. Ты ведь Тимоша, правильно?

– Да, – улыбнулся мальчик, придерживая двери и роняя при этом велосипед. Ясной бросился помогать Тимоше, а Юле стало вдруг стыдно. Она ведь совсем не знает Олега Аркадьевича. Ну да, ей не нравятся его узконосые туфли и манера прищёлкивать пальцами при ходьбе, и в легенду о генерале не верится, но это всё равно не повод обвинять его в огульном вранье. Тимошу же он не придумал!

– Пойдёмте скорее, Юлия Ивановна, что вы там топчетесь? – Ясной был уже у фонтана, чуть не подпрыгивал на месте от нетерпения.

– Может, будете звать меня просто по имени?

– Хорошо, – с лёгкостью согласился Олег Аркадьевич. – Пойдёмте, Юля. Вот в этом самом дворе для пионеров Дома Чекистов устраивались собственные торжественные линейки. Представляете? У них были своя дружина, пионервожатая, комсорги... На одной из линеек, 22 апреля, перед детьми выступал Пётр Захарович Ермаков, рассказывал о своём участии в расстреле Николая II.

– Вы с такой симпатией о нём говорите, – не утерпела Вогулкина. Цареубийцы лично ей казались отвратительными.

– Называть человека по имени-отчеству – это не значит симпатизировать, – возразил Ясной. – Ермаков был, кстати, чудовищно неграмотным человеком. Я читал его воспоминания. Потом он сошёл с ума на почве Анастасии Романовой и однажды обознался здесь, во дворе. Принял за Анастасию жену одного генерала, открыл стрельбу из именного браунинга. Одна пуля рикошетом ударила в генеральского шофёра, еле откачали! А дело тут же закрыли.

– Это вам кто рассказал?

– Соседи. Я же здесь со всеми перезнакомился, столько интересного от них узнал. Есть расшифрованные записи бесед, хотите почитать?

– Хочу. А вы с ними только сейчас перезнакомились или сразу, как сюда переехали?

– Юля, вы меня определённо в чём-то подозреваете, – мягко сказал Ясной. – Я как будто всё время должен перед вами оправдываться, и мне это, честно говоря, странно. Как-то не по протоколу, что ли! Я же вам сказал, что у меня жилая площадь не только здесь, но и в Москве, и, вы удивитесь, в Америке. Живу то там, то здесь. Я, кстати, американский гражданин, не только российский... А от соседей я уникальные сведения получил, вот правда! Здесь проживал один писатель-фронтовик, близкий друг Павла Петровича Бажова, так я с его сыном познакомился. Он рассказывал, как Бажов сюда в гости приходил. Да здесь столько народу перебивало! Индира Ганди, Фидель, Мао... А помните стихотворение Сергея Михалкова «Мы с приятелем»? Он его здесь придумал, вот прямо здесь!

Ясной постучал по бортику фонтана – и Юля поневоле представила, как автор государственного гимна сидит здесь, прикусив дужку очков, и быстро- быстро заносит в блокнот стихотворные строчки.

Мы с приятелем вдвоём
Замечательно живём!
Мы такие с ним друзья —
Куда он,
Туды и я!

– Туда, – машинально поправила Вогулкина. У неё сильно кружилась голова.

– В оригинале было «туда», – сказал Ясной. – Я специально консультировался. Вот здесь, смотрите, в конце сороковых стояла будка Пирата, общего пса детворы. Его потом убил местный столяр – кто-то ему сказал, что туберкулёз надо лечить собачьим жиром, а у него сынок был болеющий. И дети нашли потом выпотрошенную шкуру своей собаки, с головой. Всё было присыпано известью. Добрый вечер, Марина Яковлевна!

Олег Аркадьевич так приветливо кинулся навстречу полной пожилой даме в цветастом костюме, что едва не сбил её с ног.

– Здравствуйте, – дама держалась прохладно. – Всё интересуетесь нашим Домом?

Ясной слегка, нерезко дёрнулся.

– Таким домом, как *наш*, нельзя не интересоваться, – ответил он.

– А мне вот Клавдия Александровна рассказала, будто бы вы евроокна по льготной цене предложили ей сделать? Если хорошие окна и быстро сделают, так я тоже заинтересована. Вы заглянули бы ко мне с обмерами! Я сейчас до булочной и сразу обратно. Забыла хлеба взять.

– Загляну. – Олег Аркадьевич внимательно смотрел вслед соседке, сразу и переваливающейся с ноги на ногу, и как будто переливающейся благодаря своему цветастому костюму в воздухе.

– Окна? – развеселилась Юля. – Про окна вы мне ещё не рассказывали.

– А разве можно целую жизнь пересказать за два часа? Мою точно нельзя, – улыбнулся Ясной. Как ни странно, эти его слова прозвучали правдиво, скорее всего потому, что и были правдой.

– А мою можно, – сказала Юля.

– Это потому, что вы ещё молоды. Покоптите небо с моё... Окнами я занимаюсь не всерьёз, есть у меня маленькая фирмочка. Если кому интересно, имейте в виду. О, я же вам не дал свою визитку!

Вот в тот момент Юля и вытащила ладонь из растянутых рукавов свитера, который проклинала с утра – надо же было вырядиться в такой жаркий день! Приняла визитку с курсивными буквами, а следом ещё одну – красно-белую, где Олег Аркадьевич Ясной был указан уже как директор фирмы «Окна в мир». Номера телефонов, обратила внимание Вогулкина, были одинаковые, хоть и набранные разным шрифтом. (Вторая визитка не сохранилась.)

– А вы случайно не знаете, в какой квартире застрелился второй секретарь обкома Пшеницын? – спросила Юля.

– В двадцать третьей, вон там, – показал пальцем Ясной. – С тех пор Дом Чекистов стали называть «пастью дьявола, пожирающей людей». Что вы опять так на меня смотрите, Юля? У меня отменная память.

– А вы случайно не забыли свои особо ценные часы в ресторане?

– Ну что же вы мне не напомнили, Юля? Теперь придётся возвращаться в «Штолле».

– И потом за ключами в институт?

– Да, и за ключами в институт! А во-он с того балкона, видите, на голову первого секретаря обкома Андрианова нагадила свинья! В сорок третьем. Многодетные там жили, отец на фронте у них был. И бабушка додумалась взять поросёнка. Жил он в ванне, а гулял на балконе. И прямо на дорогую шляпу Андрианову сделал свои дела!

Подошла, переливаясь в лучах заката, Марина Яковлевна с булкой «Уктусского» под мышкой. Ясной галантно взял её под руку с другой стороны и махнул на прощание Вогулкиной:

– Не забудьте прислать интервью перед публикацией.

Юля обернулась, покидая двор, потому что до неё, кажется, долетел смеющийся голос Ясного:

– Эти журналисты, с ними глаз да глаз!

Вернулся с прогулки Тимоша, кивнув Юле, как доброй знакомой. От него, как от черёмухи, пахло медовым пирогом.

3.

В следующий раз Вогулкина увидела Олега Аркадьевича через два с половиной года. Были тогда совсем другие пироги – и в прямом, и в метафорическом смысле.

Они с Пашей уже окончили университет, Паша стал жить с Алёной и Алёну эту от Юли скрывал. На свадьбу, во всяком случае, Вогулкину не позвали. Делали вид, что не было никакой свадьбы. Научный труд о Доме Чекистов тоже увял на корню: Зязев к его истории охладел сразу после того, как Юля подробно рассказала ему о загадочном Олеге Аркадьевиче и его изысканиях.

– Я никогда не умел быть первым из всех, но я не терплю быть вторым, – процитировал Гребенщикова. Паша считал, что у БГ есть цитата на любой случай жизни. У БГ, Шекспира и Высоцкого.

Рассказ про Ясного Паша выслушал с интересом, но встретиться с ним тогда не захотел.

– Чудак какой-то, – сказал он. – Сын лейтенанта Шмидта.

Юля решила, что Зязев, наверное, прав. Мало ли странных людей в Екатеринбурге, особенно по весне, это же не повод относиться к каждому всерьёз! Но что-то не отпускало её мыслей от Ясного, ведь даже если он был настоящий аферист-авантюрист, всё равно какое-то здоровое зерно в его историях имелось. И как убедительно, как ловко он складывал на ходу враньё и факты!

– Может, он тебе понравился как мужчина? – спросила подруга, которой Вогулкина открылась по чистой случайности.

– Да вроде нет, – сказала Юля. Если честно, ей никто не нравился как мужчина кроме Паши Зязева, с которым они стали в конце концов любовниками. Лет пятнадцать всё это у них продолжается.

А тогда, после памятного похода в «Штолле», Вогулкина несколько месяцев провела в сетевых раскопках – читала про Шагала, Лилю Брик и генерала Игнатьева (их два оказалось, отец и сын: оба выдающиеся). Нашлась даже заметочка про «мнимых потомков генерала Игнатьева», но у Юли дома не было принтера, распечатать заметочку сразу она не смогла, а потом та исчезла, как если бы её и не было.

Ясному Юля позвонила через пару дней, заранее страдая от того, что придётся врать. Но у Олега Аркадьевича сработал автоответчик – и Вогулкина, малодушно ликуя, скороговоркой сообщила, что интервью, к сожалению, не выйдет, так как газету, для которой планировался материал, внезапно закрыли.

Лгала она не так убедительно, как Ясной, – к тому же он-то не лгал, а привирал. Делал жизнь интереснее, чем она есть на самом деле.

А снова увиделись они в музее писателей Урала, куда Паша устроился на работу ещё до окончания университета. Юлю он с собой не позвал, там ставки для неё не было. Вообще нигде для неё ставки не было, и на безрыбье она начала потихоньку проводить свои собственные экскурсии по Екатеринбургу – рассказывала об истории храмов, о царской семье. Потом прошла курсы, получила свидетельство гида. Сделала маршрут «про художников»: Неизвестный, Волович, Брусиловский, Метелёв, Калашников... Букашкин, разумеется. Народ не то чтобы прямо валил к ней на эти экскурсии, но что-то зарабатывала. На жизнь уходило немного – об отдельной квартире, спасибо им, позаботились родители. Папа и сейчас подкидывал Юле то пять, то десять тысяч «на глупости». Но расстраивался, конечно, что она и замуж не вышла, и карьеры не сделала. Мама по-прежнему наивно верила, что дочь однажды «всем покажет», а

сама Юля чем дальше, тем чаще вспоминала своего именного двойника, кудрявую мартышку из четвёртого «Б». Гадала: как сложилась жизнь у неё?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.